

Гуцол С. Ю. Теоретические предпосылки актуализации личностного проекта как сюжета возможной истории / С. Ю. Гуцол // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка : зб. наук. праць. – К. : ВПК «Політехніка», 2014. – № 1 (40). – С. 72–78.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОЕКТА КАК СЮЖЕТА ВОЗМОЖНОЙ ИСТОРИИ

С. Ю. Гуцол

Статья посвящена проблеме психологических закономерностей процесса самопроектирования личности. Автор обосновывает, что жизненный путь человека, артикулируемый как проект и, одновременно, как процесс воплощения этого проекта, может рассматриваться как особый вид текста. Показано, что, в отличие от традиционного проектирования, процесс самопроектирования не может предполагать наличие наперед заданного жестко зафиксированного результата-исхода, и тексты, порождаемые личностью при нарративном проектировании, в определенном смысле, являются произведениями «нон-финито», «возможными сюжетами». Подчеркнуто, что в процессе самопроектирования задача сводится не к утилизации, а потенцированию, умножению смысловых возможностей личности, а бытие индивида в значительной степени определяется им же проектируемой реальностью. Показано, что столкновение проекта с «неподатливостью жизненного материала», в котором он должен быть воплощен, создает различные сюжетные ходы и перипетии, придавая сюжетному развитию напряженность и драматизм. Проанализировано значение базовых сюжетов при решении «задач на Я потенциальное», когда личность выводит себя за пределы наличного смыслового поля, порождая возможность своей внутренней трансформации.

Ключевые слова: самопроектирование, проект, экзистенциальный жизненный проект, сюжет, базовый сюжет.

ТЕОРЕТИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ АКТУАЛІЗАЦІЇ ОСОБИСТІСНОГО ПРОЕКТУ ЯК СЮЖЕТУ МОЖЛИВОЇ ІСТОРІЇ

С. Ю. Гуцол

Статтю присвячено проблемі психологічних закономірностей процесу самопроектування особистості. Автор обґрунтовує, що життєвий шлях людини, що артикулюється як проект і, одночасно, як процес втілення цього проекту, може розглядатися як особливий вид тексту. Показано, що, на відміну від традиційного проектування, процес самопроектування не може припускати наявності наперед заданого жорстко зафіксованого результату, і тексти, які породжуються особистістю при наративному проектуванні, певним чином, є творами «нон-фініто», «можливими сюжетами». Підкреслено, що у процесі самопроектування завдання зводиться не до утилізації, а до потенціювання, множення смислових можливостей особистості, а буття індивіда в значній мірі визначається їм же зпроектованою реальністю. Показано, що зіткнення проекту з «непіддатливістю життєвого матеріалу», у якому він повинен бути втілений, створює різні сюжетні ходи й перипетії, надаючи сюжетному розвитку напруженість і драматизм. Проаналізовано значення базових сюжетів для розв'язання «завдань на Я потенційне», коли особистість виводить себе за межі наявного смислового поля, породжуючи можливість своєї внутрішньої трансформації.

Ключові слова: самопроектування, проект, екзистенціальний життєвий проект, сюжет, базовий сюжет.

THEORETICAL BACKGROUND OF AN UPDATE OF PERSONAL PROJECT AS A PLOT FOR POSSIBLE STORY

S. Gutsol

The article deals with the psychological patterns of the personality's self-projection process. The author proves that a man's life path, articulated as a project and at the same time as a process of implementation of this project, can be considered as a special kind of text. It is shown that unlike the traditional projection, the process of self-projection can not assume the existence of a preassigned, firmly fixed result-outcome, and texts generated by a personality within a narrative projection, in a sense, are products of «non-finito» or «possible plots». The author pointed out that in the process of self-projection a task comes not to disposal, but to potentiation, multiplication of semantic possibilities of a personality, and the being of an individual is largely determined by reality projected by him. The article shows that the collision of the project with «intractability of a living material» which it should be implemented into, creates various plot's twists and turns, attaching dramatic tension to plot's development. The author analyzed the meaning of basic plots in solving «tasks for potential Me», when a personality sets itself beyond the available semantic field, creating the possibility of its own inner transformation.

Keywords: self-projection, project, existential life project, plot, basic plot.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние десятилетия проектирование все чаще рассматривается как особый вид мыследеятельности (О.И. Анисимов, Д.Б. Генисаретский, В.М. Розин, Г.П. Щедровицкий, П.Г. Щедровицкий и пр.). В современной науке постепенно наметилась тенденция гуманитаризации подходов к проектированию, обусловленная внесением в его методологию философских, культурологических и психологических составляющих. Научная литература пополнилась рядом новых терминов: будущееобразование (А.И. Суббето), автопроектирование (Г.Л. Тульчинский), самофутурирование (Н.С. Глуханюк), самопроектирование (Е.Е. Сапогова, В.И. Клейман, А.Н. Счастливец и др.). Однако исследования различных смысловых образований, сопряженных с вышеобозначенными процессами, на сегодняшний день в психологии находятся еще только в зачаточном состоянии. Так, вне должного внимания ученых остаются проблемы, связанные со способами актуализации и

объективации личностных проектов. Целью данной статьи является анализ теоретических предпосылок проблематизации проекта как сюжета будущей (возможной) истории в контексте нарративного самопроектирования личности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Прежде, чем описать концептуальную основу нашего понимания сюжета как проекта, кратко остановимся на некоторых ключевых аспектах самой специфики самопроектирования. Так, разделяя позицию В.М. Розина, в данном исследовании под проектированием личности мы будем понимать нетрадиционное проектирование, при котором проект, замысел, «зачинания» новых личностных смыслов находятся в непрерывном становлении [13]. С нашей точки зрения, в процессе самопроектирования происходит преодоление человеком самого себя как фактической данности, прорыв в пространство возможного, действие в «зазорах длающегося опыта» (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили), в точках разрывов детерминированности бытия личности.

При этом, если смысловую сферу личности характеризует закрытость, индивид будет функционировать в пределах адаптивной тенденции (А.А. Сухоруков), которую можно описать в терминах «стремления к достижению заранее имеющейся цели» (В.А. Петровский), «действия в пределах требуемого» (Д.Б. Богоявленская); а решение «задач на смысл» здесь может происходить лишь в смысловом масштабе самих задач.

В свою очередь, открытую смысловую систему личности можно определить как открытость смысловым трансформациям, а действие индивида можно отнести к «неадаптивной» активности (В.А. Петровский) [8]. Спецификой таких «задач на смысл» является продуцирование поступков, характеризующихся высокой степенью неопределенности по форме, содержанию и результатам, поскольку только по их итогам человек может определить свой собственный потенциал [7]. Именно с решением таких задач может быть связано «психологическое экспериментирование», реализуемое в процессе самопроектирования личности.

В психологии этот тип задач описан В.А. Петровским как класс задач, которые ставятся изнутри и ориентированны на себя самого, связаны с поиском личностью своих еще не проявленных возможностей [8]. Готовность к самопроектированию свидетельствует о «готовности следовать зову потенциального». Эта готовность определяет форму движения смысловой системы личности, которая может быть названа «задачей на воплощение потенциального» [16, 67].

Среди тенденций в поведении человека, способствующих постановке и решению этих задач В.А. Петровский выделяет: предпочтение рискованных стратегий; повышение трудности задач и поиск нестандартных решений; тенденции к автономии при решении задач; презумпция существования решения; готовность к пересмотру предыдущих решений; тенденция к индивидуализации (быть уникальным, непохожим); активное самооценивание; предпочтение задач с неопределенным исходом [7, 93–95].

Далее, в зависимости от способов постановки и решения задач «на смысл» можно выделить конформный (адаптивный) и творческий (неадаптивный) типы стратегий личности. С точки зрения В.А. Петровского, адаптивность деятельности заключается в согласовании ее целей и результатов; а характерной особенностью неадаптивности являются противоречивые отношения между целью и результатом активности, то есть, замысел не совпадает с воплощением, намерение – с деянием, а побуждение к действию – с итогом [8]. Именно в этом неизбежном противоречии, с нашей точки зрения, и содержится потенциальный источник самопроектирования.

В контексте обсуждаемой проблемы Н.В. Зоткин определяет адаптивную активность личности термином «дело» (содержание деятельности задано и очевидно, ее смысл прагматичен); а неадаптивную активность – «затея» (результат деятельности не предопределен, смысл непрагматичен и заключается в осуществлении самодеятельности). Согласно взглядам Н.В. Зоткина, примером затеи может являться творчество, познавательная активность, которая не ведет человека к прямому прагматическому результату, а «энергией» такой активности выступают не достижения каких-либо ценных в

прагматическом смысле результатов, а высокая личностная значимость самой деятельности [4].

Исходя из особенностей развития творческого потенциала личности Е.П. Варламова и С.Ю. Степанов выделяют три типа жизненных стратегий:

- жизнеисчерпания: субъект проявляет репродуктивную активность, наблюдается определенное снижение творческого потенциала, отсутствие личностного роста;

- жизнепорождения: субъект неравномерно наращивает свой творческий потенциал, осуществления замыслов чередуются с периодами застоя;

- жизнетворчества: наблюдается постоянная и устойчивая направленность субъекта на творческую самореализацию, наращивание творческого потенциала [2].

Согласно позиции Л.В. Сохань, жизнетворчество можно определить как осуществление творческой продуктивности личности в «материале» собственной жизни [10]. С ее точки зрения, жизнетворчество можно рассматривать как особый вид творчества, являющийся выражением свободы проявлений личности, ее сознательных преобразований самой себя и собственной жизни. Артикулируя процесс жизнетворчества по аналогии с художественным творчеством, Л.В. Сохань использует понятие «замысел жизни», которое подразумевает наличие «главного жизненного вектора», формируемого на основе ценностных жизненных выборов и отображающего жизненное «кредо» личности, смысл ее жизни. Далее, используя в качестве критерия наличие или отсутствие «замысла» и творческой активности, Л.В. Сохань классифицирует следующие стили жизни: традиционный, репродуктивно-наследуемый, престижный, демонстративный, индивидуально-творческий [10].

Следуя взглядам Л.И. Воробьевой, применительно к творческому стилю жизни индивида целесообразно использовать понятие «авторства» [3]. По ее мнению, автором всегда выступает конкретная личность, которая обладает способностью проецировать себя во все, чем она живет. Так, автор является укорененным в самом бытии, предполагающем определенный

экзистенциальный опыт. Он является смертным, а, следовательно, причастным ко всем аспектам существования и способным на совершение поступка как реализацию целостности смысла жизни и смерти. При этом причастность автора предполагает не саму его жизнедеятельность, а ответственность и свободу выбора собственной жизни.

Так как смысл поступков автора извлекается из культурного контекста, автор всегда контекстуален. Автор также всегда событиен, а становление события, в свою очередь, является творческим, авторским актом. Автор является укорененным «в универсуме культуры, т.е. повязан смыслом» [3, 157]. «Чтобы быть автором своей жизни, нужно иметь к ней отношение, как к произведению, т.е. целому, обладающему смыслом» [3, 157].

В отличие от субъекта, который всегда подразумевает наличие внеположенного ему объекта, с точки зрения Л.И. Воробьевой, автор всегда свободен выбирать, каким способом и на каком «материале» реализовывать замысел своего произведения. В силу того что субъект является включенным в систему причинно-следственных связей и отношений, пусть даже очень специфического характера, при которых он сам может выступать причиной для Другого, тем не менее, субъект не может выбирать. Он также не способен породить смысл, так как сферой его реализации является деятельность, предельной причиной которой выступает мотив как опредмеченная потребность [3].

Согласно взглядам Н.А. Логиновой, в отличие от субъекта, автор не решает задачи, он совершает выбор и принимает ответственность за его последствия [5]. С точки зрения Е.Ю. Пурло, важно отметить, что субъектом может быть и ребенок, автором же – только зрелая личность [12]. Автор творит свою сущность в произведении, которым является он сам. И если субъект в своем становлении проходит через ряд нормативных кризисов, вырабатывая при этом «успешные жизненные стратегии», то автор скорее переживает предельные ситуации, в которых рефлексивует собственную ограниченность и ориентируется на расширение контекстов осмысления мира.

Таким образом, использование понятия «субъект» при определении статуса личности в процессе самопроектирования представляется не достаточно корректным. К психологическим характеристикам личности как автора проекта собственной жизни можно отнести следующие:

- в качестве автора может выступать только зрелая личность;
- процесс становления позиции авторства сопряжен с переживанием предельных ситуаций и трансценденцией за пределы жесткой смысловой капсулизации;
- в процессе самопроектирования личность как автор в акте экзистенциального выбора порождает замыслы, неразрывно связанные с принятием ответственности за последствия их возможных воплощений [11].

В русле обсуждаемой проблемы, интерес представляет концепция Н.А. Чуевой, согласно которой жизненное проектирование артикулируется как процесс формирования трех видов жизненного проекта: событийного проекта, проекта изменения личностных характеристик и экзистенциального проекта. Согласно взглядам Н.А. Чуевой, в жизненном проектировании событийный проект личности является базовым: анализ собственных действий и поступков позволяет человеку планировать возможные варианты будущих личностных изменений и определять для себя значимые ценностно-смысловые жизненные ориентиры. В процессе проектирования изменений личностных характеристик, человек опирается на свой жизненный опыт, собственные потребности, желания и предпочтения, социальные ожидания и социальные «одобрения» и пр. Событийный проект и проект изменения личностных характеристик присутствуют в жизненных проектах большинства людей. К основным механизмам их формирования можно отнести личностную рефлексия и личностный опыт [17].

В основе же экзистенциального проекта лежит экзистенциальная рефлексия, позволяющая человеку определять, выбирать и присваивать жизненные смыслы. Н.А. Чуева выделяет три этапа формирования экзистенциального проекта личности:

- анализ существующих в социокультурном пространстве смыслов и ценностей;
- преобразование определенных социокультурных смыслов в личностные (лично-значимые) смыслы;
- принятие ответственности за реализацию этих опорных смыслов и смысловых связей в своей жизни [17].

Экзистенциальный жизненный проект как определенный план обретения, присвоения и реализации жизненных смыслов, очевидным образом, является факультативным. Среди необходимых факторов его генерирования можно выделить жизненный опыт, личностную зрелость (прежде всего, преобразующую рефлексию и личностную ответственность), голод по «смыслообразующим», открытость смысловым трансформациям, творческие ресурсы и пр. Сформировавшийся экзистенциальный жизненный проект начинает оказывать воздействие на ранее образованные проекты, трансформировать, иерархизировать, «одухотворять» их, становясь ядром целостного жизненного проекта личности.

Таким образом, в отличие от традиционного проектирования, процесс самопроектирования не может предполагать наличие наперед заданного жестко зафиксированного результата-исхода, и тексты, порождаемые личностью при нарративном проектировании, в определенном смысле, являются произведениями «нон-финито», «возможными сюжетами».

В русле обсуждаемой проблемы важным мировоззренческим выводом синергетики является тезис о том, что у человечества в целом и у каждого отдельного человека существует множество судеб. Осознание множественности путей развития, наличия альтернатив напрямую связано с осознанием возможностей личности в процессе самопроектирования. Так, с точки зрения И. Валлерстайна, «мы были бы мудрее, если бы формулировали наши цели в свете постоянной неопределенности и рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не побрякушкой для слабого или невежды, а рогом изобилия сделать мир лучше» [1, 326].

В этой связи, подчеркнем, что в процессе самопроектирования задача сводится не к утилизации, а потенцированию, умножению смысловых возможностей личности. Произведение зарождается и развивается не столько в результате последовательных актуализаций исходного замысла, сколько в процессе приумножения замыслов, их соединений, совмещений, переплетений, взаимных проникновений в одном тексте, в результате чего он приобретает многослойность, многомерность, и многосмысленность, приводя все знаки в состояние «наибольшей значимости» (М. Эпштейн).

Эти идеи перекликаются со взглядами Г.С. Морсона, подчеркивающего что строительство литературного повествования основывается не только на предвещании грядущих событий и оповещении о событиях уже произошедших, но и содержит такую модальность, при которой различные варианты одного и того же события предстают одинаково возможными – «со-освещаются» [18].

Действительно, бытие индивида в значительной степени можно определить им же проектируемой реальностью. Согласно концепции познания Ч.С. Пирса, процесс актуализации возможного, конструирования образа будущего можно представить в единстве трех последовательных этапов: Первичности, Вторичности и Третичности, соотносимых с тремя соответствующими модусам бытия (категориям бытия и познания) [9].

Так, Ч.С. Пирс под «Первичностью» понимает неопределенное качество, «качество в возможности». На этом этапе может происходить интуитивное имплицитное знакомство, определение возможности, предварительное отождествление, предчувствие образа будущего, которого, как такового, еще нет, а существует лишь ощущение возможности его детерминации.

В понимании Ч.С. Пирса, уровень «Вторичности» представляет собой уровень пребывания вещей, на котором свобода идеи ограничивается «сопротивлением реальности», и тем самым придает вещи определенную устойчивость, вынуждая видеть ее во всей множественности и индивидуальности. Процесс конструирования здесь выражается в определении идеи, образа будущего и его соотношения с другими возможными альтернативными вариантами, отношений между образом будущего и

фактической реальностью: образ будущего приобретает свое первичное содержание, формируясь с учетом фактов.

На следующем уровне происходит провозглашение нормы существования вещи, то есть уровень «Третичности» представляет собой уровень «закона и понимания». Здесь идея приобретает статус реальности. Именно реальность, представленная в процессе конструирования, и позволяет описывать концепт «будущее». На этом этапе происходит корректировка и окончательное представление образа [9].

Процесс конструирования будущего можно описать как процесс творения художественного произведения. Изначально художник чувствует только общую идею, единый образ, а также имеет возможность и желание его воссоздать. Затем образ запечатляется схематически, формируется эскиз, постепенно наполняется цветовыми оттенками. В процессе воссоздания образа художник действует в пределах определенных правил, выступающих теми закономерностями, согласно которым воспроизводится изначальный замысел.

В русле вышесказанного жизненный путь человека, артикулируемый как проект и, одновременно, как процесс воплощения этого проекта, может пониматься как особый вид текста, порождение которого сопряжено с прохождением обозначенных выше этапов. Столкновение проекта произведения с неподатливостью жизненного материала, в котором он должен быть воплощен, создает различные сюжетные ходы и перипетии, придавая сюжетному развитию напряженность и драматизм. По мере порождения личностного текста происходит развитие сюжета, обусловленное движениями и трансформациями смысловых полей личности, и воплощение его в том материале, который актуализируется в реальной жизни.

Согласно взглядам Ю.М. Лотмана, сюжет является мощным средством осмысления жизни [6]. Именно в результате возникновения нарративных форм искусства индивид научился различать сюжетные аспекты реальности, то есть дифференцировать недискретный событийный поток на конкретные автономные единицы, соединять их с определенными значениями (наполнять семантически) и структурировать их в сложные упорядоченные цепочки

(наполнять синтагматически). «Чем более поведение человека приобретает черт свободы по отношению к автоматизму генетических программ, тем важнее ему строить сюжеты событий и поведений» [6, 242].

Впервые проблемой классификации сюжетов в IX веке заинтересовался Фотий. А за последние столетия было осуществлено немалое количество попыток выделения различных типологий сюжетов мировой литературы. В русле вышесказанного, как наиболее «нашумевшая» критикой была отмечена концепция Ж. Польти, согласно которой любые драматические произведения базируются на одной из тридцати шести сюжетных коллизий. Некоторые авторы выделяют и еще более краткие перечни «странствующих» сюжетов. Так, классификация К. Букера включает семь, Х.Л. Борхеса – четыре базовых сюжета (об обороне укрепленного города, о странствиях в поисках заветной цели, о возвращении героя домой после долгих путешествий и о самоубийстве Бога) [15].

И, несмотря на то, что Х.Л. Борхес принципиально упрощает проблему понимания сюжетной типологии, с точки зрения Е.Е. Сапоговой он прав в том, что выделенные им сюжеты строятся вокруг системообразующих «сильных» точек человеческой жизни и маркируют для каждого последующего поколения временное поле жизни как бы наперед, «впрок» [14]. Так, обобщенные эпизоды, проявляющиеся в формах различного рода культурных бинарных оппозиций, фиксируются в культурных текстах в виде обобщенного опыта жизнеловдания, жизнеловчества, самопроектирования.

По сути, многообразие вариантов воплощений различных сюжетов мировой литературы, восходит к предельно обобщенным моделям (имеющим мифологические корни), фиксирующим эти «сильные» точки, своего рода «смысловые сгустки», протраивающим «тело» культуры и не зависящим от конкретики социально-политических и исторических факторов, не детерминируемых системой причинно-следственных связей. Такого рода нарративы содержат ответы на вопросы, которые субъект в своей повседневной жизни может быть и не задает (и, возможно, даже никогда не задаст), но эти вопросы потенциально могут вставать перед ним (так как они перед другими

людьми когда-то уже вставляли), и ему необходимо иметь варианты ответов (наборы ресурсов для поиска ответов) на них.

Этот нарративный комплекс включает в себя тексты, представляющие собой широкий «репертуар» сюжетов актуальных для всех этапов культурно-исторического развития общества, социальных условий, возрастных групп и пр. Все культуры в своем арсенале имеют «традиционный» («канонический») перечень сюжетных текстов, который подлежит обязательному межпоколенному транслированию и фрагментарно присутствует в современных дискурсах, используя механизмы аллюзий, ассоциаций и аналогий.

ВЫВОДЫ

Результаты теоретического анализа позволяют сделать вывод о научной целесообразности рассмотрения проекта в качестве сюжета будущей (возможной) истории в контексте нарративного самопроектирования личности. При этом, именно базовые сюжеты («бродячие сюжеты», «вечные типы», лейтмотивы, «вечные образы» и пр.) играют чрезвычайно важную роль при решении «задач на Я потенциальное», которые личность ставит перед собой в процессе самопроектирования, выводя себя за пределы наличного смыслового поля, тем самым порождая возможность своей внутренней трансформации.

Анализ психологических особенностей сюжетов, конструируемых субъектом, и рассматриваемых нами как «проекции» смыслового пространства личности, с нашей точки зрения, может открыть перспективы более глубокого понимания мотивационно-смыслового включения индивида в процесс проектирования своего развития, а также перспективы оказания более эффективной профессиональной психологической помощи человеку, испытывающему на этом пути определенные трудности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира : социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. ; под ред. Б. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

2. Варламова Е. П. Психология творческой уникальности / Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов – М. : Институт психологии РАН, 2002. – 256 с.
3. Воробьева Л. И. Субъект и/или автор (о категориях гуманитарной психологии) / Л. И. Воробьева // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 149–158.
4. Зоткин Н. В. Смыслополагание в ситуации неопределенности: дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.01 : защищ. : 25.03.2000 / Н. В. Зоткин. – М., 2000. – 107 с.
5. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности : учеб. пособие / Н. А. Логинова. – Алматы : Казак. ун-т, 2001. – 172 с.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : «Александра», 1992. – с. 480.
7. Петровский В. А. Личность в психологии : парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.
8. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский. – М : Горбунок, 1992. – 289 с.
9. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М. : Логос, 2000. – 448 с.
10. Психологія і педагогіка життєтворчості : Навч.-метод. посібник / Ред. рада : В. М. Доній (голова), Г. М. Несен (заст. голови), Л. В. Сохань, І. Г. Єрмаков (наук. ред.) та ін. – К. : ІСДО, 1996. – 792 с.
11. Пурло Е. Ю. Личность : субъект или автор жизнетворчества? / Е. Ю. Пурло. – [Электронный ресурс]. – режим доступа : <http://lifecreate.ho.ua/index.php/pochitat/15-lichnost-subekt-ili-avtor-zhiznetvorchestva>
12. Пурло Е. Ю. Роль жизненной творческой позиции в переживании личностью экзистенциального кризиса / Е. Ю. Пурло // Наука і освіта :

Науково-практичний журнал Південного наукового Центру АПН України / гол. ред. О. Я. Чебикін. – К., 2009. – № 8. – С. 120–124.

13. Розин В. М. Можем ли мы проектировать сами себя? / В. М. Розин // Философские науки. – 2009. – № 12. – С. 8–26.

14. Сапогова Е. Е. «Римейки жизни» : конструирование автобиографического автонарратива / Е. Е. Сапогова // Известия ТулГУ. Серия «Психология». – Вып. 5. – В 2-х ч. – Ч. I. – С. 200–228.

15. Сериков А. Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни / А. Е. Сериков // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология» – 2009. – № 2 (6). – С. 60–84.

16. Сухоруков А. С. Жизнетворчество личности в динамике ее смысловой системы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 : защищ. : 28.05.1997 / А. С. Сухоруков. – М. : МГУ, 1997. – 141 с.

17. Чуева Н. А. Возрастная динамика жизненного проектирования / Н. А. Чуева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 3. – С. 284–294.

18. Morson G. S. Narrative and Freedom : the Shadows of Time / G. S. Morson. – New Haven : Yale University Press, 1994. – 331 p.